

Василиса Премудрая.

Скажемъ ка про лѣто про тѣпло, про весну про красну, про зиму студѣну. Слетались птицы стадами, сидились птицы рядами, пѣли онѣ, говорили, между собою рядили: Кто у насъ на морѣ старшій, кто у насъ на синемъ молодшій? — На морѣ орелъ царемъ, на синемъ орлица — царица, дикіе гуси — дворяне, черные грачи — крестьяне; сѣра утка — попадѣй, коростель — дьячкомъ, малые воробушки — крылошане, синички — молодницы, касаточки — красны дѣвицы. А ворона-то въ ворахъ придорожныхъ: лѣтомъ ворона по амбарахъ, зимою воровна по дорогамъ; всякаго она слѣдъ перегребаешь, всякаго братомъ называетъ. На морѣ филинъ — водовозомъ, на морѣ журавль — перевозомъ; журавль по бережку ходить, людей перевозить, цвѣтно платье не мочить. Эки, вѣдь, долгія ноги! Эко короткое платье!

Это присказка, а сказка будетъ впереди.

Подружилась Мышь съ Воробьемъ; стали они вмѣстѣ жить, сообща кормъ добывать, и такой промежду себя уговоръ положили, чтобы, что ни промыслить-своруютъ, — все пополамъ между собой дѣлить.

Раздобылся разъ Воробей маковымъ зернышкомъ и несеть его къ Мыши: «На, кусай свою половину». А Мышь въ ту пору голодна была; хватъ — и откусила зерна три четверти. Раз-

сердился Воробей, обругалъ Мышь «воровкой поганою». Не стерпѣла Мышь обиды: «Самъ-то ты кто?—говорить.—Потому тебя и Воробьемъ зовутъ, что воръ ты и бить тебя надобно». Слово-за-слово — передрались пріятели, и въ той дракѣ Мышь у Воробья изъ хвоста всѣ перья повыщипала.

Полетѣлъ Воробей къ Лѣву, звѣриному царю, на Мышь жаловаться. Просить казнить ее лютой смертью за денной грабежъ и обиду. «Срамъ, — говорить, — мнѣ теперь, государь, безъ хвоста на улицу выйти: малые ребятишки, и тѣ насмѣхаются». — «Ладно, — говорить Левъ звѣринный царь, — разберемъ твое дѣло. Позвать ко мнѣ Мышь отвѣтчицу!» — А Мышь, она хитра была, догадлива: идетъ къ царю на судъ, казанской сиротой прикинулась, лѣвый глазъ прищурила, на всѣ ноги хромаетъ, костьюлемъ подпирается. «Батюшка, могучій царь, — говорить, — взвелъ на меня Воробей напраслину. Самъ онъ ни съ того, ни сего въ драку полѣзъ, выклевалъ мнѣ, злодѣй, лѣвый глазъ, всѣ ноженьки разломилъ, всѣ суставы раздробилъ. Насилу я отъ него въ нору схоронилась». — «А кто жъ ему, Воробью, хвостъ выщипалъ? — «Знать не знаю, царь батюшка, вѣдать не вѣдаю. А слыхала я, точно, отъ добрыхъ людей, что такой онъ, Воробей, ужъ отъ роду: безъ хвоста и безъ совѣсти». Говорить тутъ Левъ, звѣринный царь, Воробью: «Какіе у тебя есть свидѣтели на то, что и вправду Мышь тебѣ, Воробью, хвостъ выщипала?» — «Есть у меня свидѣтели вѣрные: двѣ сороки да ворона старая». Не принявъ Левъ, звѣринный царь, воробьиныхъ свидѣтелей. «Не вѣрю, — говорить, — я всему вашему птичьему роду, а сорокамъ да воронамъ развѣ только дуракъ повѣрять!» И прогналъ онъ Воробья отъ себя съ безчестіемъ.

Полетѣлъ Воробей къ Орлу, своему птичьему Царю, палъ ему въ ноги, и сталъ горько плакаться: «Защити, государь, меня Воробьишку, холопа твоего вѣрнаго, не дай моимъ дѣтямъ напрасно съ голоду помереть! Не вступишься ты своею силою, — надъ нами, птицами, малые ребятишки насмѣхаться будутъ». Услыхалъ Орелъ про неправый львиный судъ, да про то, что хулитъ Левъ весь птичій родъ, — разгнѣвался. Сейчасъ послалъ гонца Стрижа звать на свой судъ Мышь-отвѣтчицу. А Мышь сидитъ у норы, надъ

Идет Мышь к царю на судъ, казанской сиротой прикинулась.

Орломъ насмѣхается: «Какой такой мнѣ судья вашъ птичій царь! Пусть-ка самъ ко мнѣ придетъ, я и ему перья повыщиплю».

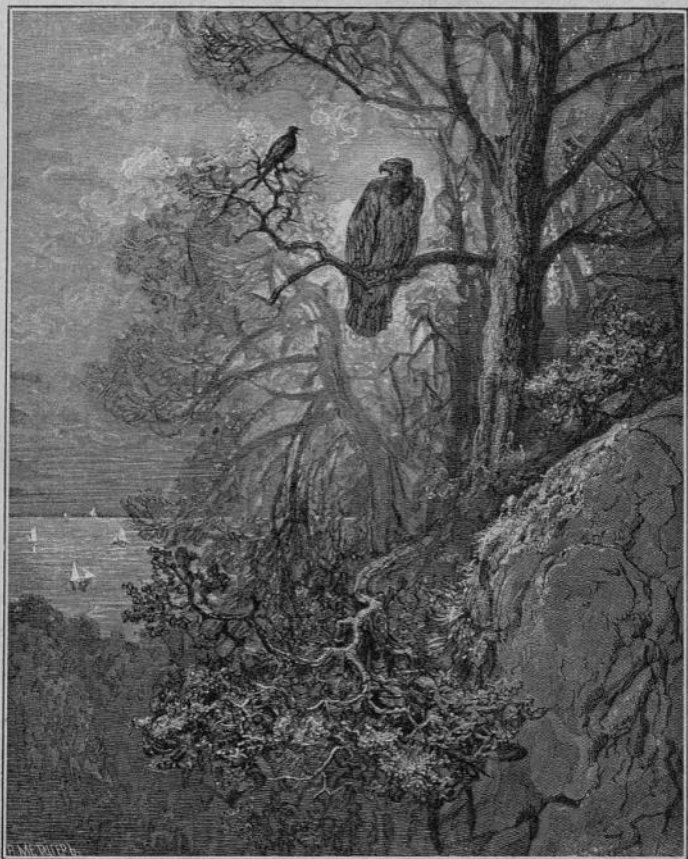
Какъ услыхалъ Орель про это, — еще пуще разгнѣвался. Шлетъ своего ближняго боярина, Яснаго Сокола, ко Льву, чтобы выдалъ онъ ему Мышь-обидчицу головою, а не выдастъ, — выходилъ бы въ поле со своею звѣриною ратью на смертный бой. Левъ на своей неправдѣ сталъ, не выдалъ Орлу Мышь-обидчицу, вышелъ въ поле съ своею-ратью звѣриною и начался тутъ между звѣрями и птицами страшный, смертный бой — изъ за половины макового зернышка.

Бились рати три дня и три ночи безъ отдыха, — укрылось поле мертвыми* тѣлами, и птичьими и звѣриными, потекли ручьи черной крови, — на четвертый день стало подаваться звѣриное войско: притупились ихъ когти вострые, поломались зубы крѣпкіе. Подалось, войско, не выдержало и пустились звѣри на утѣкъ въ лѣса дремучіе, въ болота топкія, въ тѣснины горныя; а птицы за ними въ погоню кинулись.

Остался на побойщѣ одинъ Орель, птичій царь. Сидитъ онъ на высокомъ сухомъ дубу чуть живой, весь избитый, израненный.

а ту пору охотился царь въ тѣхъ мѣстахъ. Увидаль онъ Орла и хотеть его застрѣлить. Взговорилъ ему Орель человѣчьимъ голосомъ: «Не стрѣляй меня, царь-государь, возьми лучше къ себѣ, пригожусь я тебѣ ко времени.» — «На какое дѣло ты мнѣ пригодишься?» — говоритъ царь, и опять въ Орла цѣлится. «Не стрѣляй меня, царь-государь, — молитъ опять Орель, — сослужу я тебѣ службу не малую. Возьми ты только меня къ себѣ и корми три года, три мѣсяца и три дня; отрощу я себѣ крылья и добромъ заплачу тебѣ.» Думаетъ царь и никакъ придумать не можетъ: чѣмъ ему заплатитъ птица Орель. Нацѣлилъ опять, хотеть ужъ стрѣлу пустить, — въ третій разъ молитъ его Орель: «Не стрѣляй меня, царь-государь, возьми лучше къ себѣ, да корми три года, три мѣсяца и три дня. Какъ верну я себѣ силу прежнюю, сослужу тебѣ службу великую».

Сидитъ Орелъ на высокомъ дубу, чуть живой, весь избитый, израненный.

Смиловался царь надъ птицей-Орломъ, взялъ его къ себѣ и сталъ кормить до поры до времени. А съѣдалъ Орелъ ни мало ни много: въ день по три быка, да медовой сыты выпивалъ по три бочки. Кормить царь Орла, а самъ думаетъ: «Накладно будетъ мнѣ такую птицу кормить: за три-то года всю скотину въ моемъ царствѣ переѣстъ». Вотъ прошелъ годъ, и велитъ Орелъ царю выпустить его въ дремучій боръ къ высокимъ дубамъ силу пробовать. Выпустилъ царь Орла, взлетѣлъ тотъ за тучи темныя, ударился съ разлету грудью о сырой дубъ. Раскололся сырой дубъ на двое. Говоритъ тутъ Орелъ: «Не собрался я еще, царь-государь, съ прежней силою, корми меня еще годъ.» Прошелъ другой годъ, выпустилъ царь Орла въ дремучій боръ къ высокимъ дубамъ. Взялся Орелъ въ поднебесье и ударился съ размаху грудью о сырой дубъ: раскололся сырой дубъ на десять частей. «Приходится тебѣ, царь-государь, еще цѣлый годъ кормить меня: не собрался я съ прежней силою.» Прокормилъ царь Орла всѣ три года, три мѣсяца и три дня. Сталъ Орелъ свою силу пробовать; взялся въ поднебесье выше прежняго, и ударился грудью со всей силы въ самый большой дубъ: раскололся сырой дубъ съ верху до корня на мелкія щепы. Отъ того удара богатырского застоналъ, зашатался дремучій боръ. Говоритъ царю могучій Орелъ: «Ну, теперь вернулась ко мнѣ сила прежняя. Спасибо тебѣ, царь-государь, что ты, меня больного вылѣчилъ, прокормилъ три года, три мѣсяца и три дня. Садись ко мнѣ на крылья могучія, понесу я тебя въ свою сторону и заплачу тебѣ за твое добро.»

Сѣлъ царь на крылья Орлу, поднялся Орелъ высоко-высоко, выше лѣса стоячаго, выше облака ходячаго и полетѣлъ черезъ синее океанъ-море. Отлетѣлъ немного отъ берега и спрашиваетъ: «Погляди-ка, царь-государь, да скажи: что за нами и что предъ нами, что надъ нами и что подъ нами?» — «За нами,—отвѣчаетъ царь,—земля, предъ нами—море, надъ нами—небо, подъ нами—вода.» — «Такъ!»—говоритъ Орелъ, встряхнулся и скинулъ съ себя царя; упалъ тотъ въ море и го колѣно въ воду ушелъ. Не далъ Орелъ царю потонуть, подхватилъ на крыло и спрашиваетъ: «Что, царь-государь, каково? Небось испугался?» — «Испугался», — говоритъ царь.

Летить Орелъ дальше, прилетѣлъ на самую середину моря синяго и говорить: «Погляди-ка, царь-государь, да скажи: что за нами и что предъ нами, что надъ нами и что подъ нами?» — «И за нами море и предъ нами море, надъ нами небо, подъ нами вода.» Встряхнулся Орелъ, и упалъ царь какъ разъ посреди синяго моря, — по поясъ въ воду ушелъ. Не далъ Орелъ царю потонуть, подхватилъ на крыло и спрашиваетъ: «Что, царь-государь, каково? Небось испугался?» — «Испугался, — говоритъ царь, — да все думалъ: вытащишь ты меня, не дашь потонуть.»

Летить Орелъ съ царемъ дальше. Подлетаютъ къ другому берегу синяго моря, и говоритъ Орелъ царю: «Погляди-ка, царь-государь, да Расскажи: что за нами и что предъ нами, что надъ нами и что подъ нами.» Отвѣчаетъ царь: «За нами — море, предъ нами — земля, надъ нами — небо, подъ нами вода.» Скинулъ Орелъ еще разъ царя, — ушелъ царь въ воду по самую шею. Не далъ Орелъ царю потонуть, подхватилъ къ себѣ на крыло и спрашиваетъ: «Что, царь-государь, каково? Небось испугался?» — «Испугался, — говоритъ царь, — да все надѣялся, что ты не дашь мнѣ утонуть.» — «То-то: позналъ, значить, ты теперь, царь-государь, смертный страхъ. Въ такомъ страхѣ былъ и я, когда на дубу сидѣлъ, а ты три раза въ меня стрѣлять цѣлился; такъ-то и я думалъ: авось не застрѣлитъ, смируется. Это тебѣ за старое чтобы ты въ памяти держалъ, каково смертный страхъ испытывать и милостивымъ быть.»

Перелетѣли Орелъ съ царемъ море и говоритъ Орелъ: «Полетимъ мы съ тобой, царь-государь, въ мѣдное царство, въ гости къ моей старшей сестрицѣ, мѣднаго царства царицѣ. Будемъ у ней въ гостяхъ пировать, станетъ она тебя дарить, — не бери ты у ней ни золота, ни серебра, ни камня самоцвѣтнаго, а проси у ней мѣдный ларчикъ съ мѣднымъ ключикомъ.»

Прилетѣли они къ мѣдному царству, въ мѣдный городъ; ударился Орелъ о сырую землю, оборотился добрымъ молодцомъ и пошли они во дворецъ къ орловой сестрицѣ, мѣднаго царства царицѣ. Увидала сестра, обрадовалась, стала брата цѣловать, обнимать, къ сердцу прижимать. «Братецъ ты мой родной, гдѣ ты пропадалъ? Больше трехъ лѣтъ я тебя не видала. Уже какъ я по

тебѣ сокрушалась, горькими слезами обливалась, думала: нѣтъ тебя на бѣломъ свѣтѣ.» — «И лежать-бы, сестрица, мнѣ въ могилѣ сырой, — говоритъ Орель добрый-молодецъ, — да спасибо товарищу: онъ меня къ себѣ взялъ, вылѣчилъ, три года, три мѣсяца и три дня кормилъ.» Посадила сестра ихъ за столы дубовые, за скатерти бранныя, и не знаетъ, чѣмъ подчивать. Послѣ угощенья стала она царю дары подносить. Повела его въ подвалы глубокіе, а въ подвалахъ тѣхъ—казна несмѣтная: злата и серебра кучи цѣлыя, камня самоцвѣтнаго углы навалены. «Бери,—говоритъ,—сколько тебѣ хочется.» Отвѣчаетъ ей царь: «Не надо мнѣ ни золота, ни серебра, ни камня самоцвѣтнаго, подари ты мнѣ мѣдный ларчикъ съ мѣднымъ ключикомъ.» — «Ишь, чего захотѣлъ,—говоритъ царица, орлова сестрица.—Не взыщи, любезный другъ, ни за что на свѣтѣ не дамъ тебѣ мѣднаго ларчика. Ступай, коли такъ, съ пустыми руками.» Разсердился Орель добрый-молодецъ на сестру за такія ея слова, ударился о сырую землю, обернулся орломъ-птицею, подхватилъ царя и полетѣлъ съ нимъ прочь. «Братецъ дорогой, не сердись, вернись назадъ: не пожалѣю я и ларчика!» — кричитъ вслѣдъ сестрица, мѣднаго царства царица. — «Опоздала сестра!» — отвѣчаетъ Орель.

Летитъ Орель по поднебесью и говоритъ царю: «Погляди-ка, царь-государь, да скажи: что за нами и что предъ нами?» — «За нами все небо въ огнѣ-заревѣ, точно страшный пожаръ, предъ нами цвѣты цвѣтутъ лазоревые.» — «Гдѣ пожаръ горитъ, тамъ мѣдное царство, гдѣ цвѣты цвѣтутъ, тамъ — серебряное. Въ серебряномъ царствѣ живетъ моя средняя сестра. Какъ будемъ мы у ней въ гостяхъ пировать, станетъ она тебѣ дары подносить, не бери ты ни злата, ни серебра, ни камня самоцвѣтнаго, проси у ней серебряный ларчикъ съ серебрянымъ ключикомъ.» Прилетѣли Орель съ царемъ къ серебряному царству, въ серебряный городъ. Встрѣтила ихъ сестра, стала брата миловать, цѣловать, къ сердцу прижимать. Посадила ихъ за столы дубовые, за скатерти бранныя, угостила употчивала, а послѣ повела царя въ подвалы глубокіе; въ тѣхъ подвалахъ казна лежитъ несмѣтная: злата, серебра—кучи цѣлыя, камня самоцвѣтнаго углы навалены. «Бери себѣ, сколько тебѣ нужно,—говоритъ царю орлова сест-

рица.» — Отвѣчаетъ ей царь: «Не надо мнѣ ничего, только подари серебряный ларчикъ съ серебрянымъ ключикомъ». — Не многого ли хочешь ты, любезный другъ? Ни за что на свѣтѣ не отдамъ я тебѣ серебрянаго ларчика». Разсердился, разгнѣвался Орель добрый-молодецъ, обернулся птицею, подхватилъ царя и полетѣлъ прочь. «Братецъ, родной, вернися! Не пожалѣю я ларчика, только вернися!» — кричитъ орлова сестрица, серебрянаго царства царица.—«Опоздала, сестра!»—отвѣчаетъ Орель.

Летитъ Орель съ царемъ по поднебесью и говоритъ: «Погляди ка, царь-государь, да скажи: что позади насъ и что впереди?» — «Позади насъ пожаръ горитъ, впереди цвѣты цвѣтутъ лазоревые.» — «Гдѣ пожаръ горитъ — серебряное царство, гдѣ цвѣты цвѣтутъ — золотое. Тамъ живетъ моя младшая сестра. Какъ будемъ у ней въ гостяхъ пировать, станетъ она тебѣ дары подносить, ничего не бери, проси у ней золотой ларчикъ съ золотымъ ключикомъ.»

Прилетѣли они къ золотому царству, въ золотой городъ; ударился Орель о сырую землю, оборотился добрымъ молодцомъ и пошли они во дворецъ къ орловой сестрицѣ, золотого царства царицѣ. Встрѣтила ихъ младшая сестра, стала брата миловать, цѣловать, къ сердцу прижимать и говоритъ: «Братецъ, ты мой родной, гдѣ ты пропадалъ? Больше трехъ лѣтъ я тебя не видала. Ужъ какъ я по тебѣ сокрушалась, слезами горючими обливалась, думала тебя и на свѣтѣ нѣтъ, лежатъ твои косточки въ могилѣ сырой.» — «И вѣкъ бы тебѣ сокрушаться, сестрица, выплакать бы тебѣ очи ясныя, а мнѣ лежать въ могилѣ сырой, кабы не мой товарищъ: онъ меня взялъ къ себѣ, вылѣчилъ, три года, три мѣсяца и три дня кормилъ меня.» Посадила младшая сестра гостей за столы дубовые, за скатерти бранныя, угостила, употчивала. Повела потомъ царя въ подвалы глубокіе, а въ подвалахъ тѣхъ — казна несмѣтная: злата и серебра груды цѣлыя, камня самоцвѣтнаго углы навалены. «Бери,—говоритъ,—сколько твоей душенькѣ угодно.» Отвѣчаетъ царь: «Не надо мнѣ ни злата, ни серебра, ни камня самоцвѣтнаго, подари мнѣ золотой ларчикъ съ золотымъ ключикомъ.»—«Не пожалѣю я ради брата родного ничего: ты его у себя держалъ, вылѣчилъ, кормилъ,

воротилъ ему силу прежнюю, а мнѣ брата милого; бери себѣ на счастье золотой ларчикъ.» Взялъ царь ларчикъ, пожилъ, попиrowалъ въ золотомъ царствѣ, а какъ пришло время разставаться, говоритъ ему Орель добрый-молодецъ: «Ну, прощай, царь-государь, не поминай лихомъ. Вотъ тебѣ мой добрый совѣтъ: не отпирай ларчика, пока домой не воротишься!»

Снарядилъ царь корабль, взялъ съ собой золотой ларчикъ, и поплылъ по синему морю домой. Долго ли коротко ли ѣхалъ онъ по морю-океану, только видитъ: среди моря островъ стоитъ, и приказалъ царь пристать къ тому острову. Вышелъ царь на берегъ и сталъ отдыхать, а потомъ вспомнилъ про ларчикъ и крѣпко захотѣлось ему узнать, что въ немъ, для чего Орель не велѣлъ ему отмыкать его до поры, до времени. Не утерпѣлъ онъ и отомкнулъ ларчикъ. И только что ларчикъ открылся, какъ явился предъ царемъ золотой городъ. Смотритъ царь и диву дается: какъ это изъ такого маленькаго ларчика цѣлый городъ выскочилъ и городъ чудесный: золотые дворцы и церкви словно жаръ горять, вмѣсто камня на улицахъ—золото, черезъ рѣчки мосты перекинута—изъ червоннаго. Обрадовался царь такому подарку, а потомъ пригорюнился: какъ,—думаетъ,—собрать цѣлый городъ въ маленькій ларчикъ, чтобы домой увезти. Сидитъ онъ на берегу, горюетъ, глядитъ вдаль на море синее. Вдругъ, вышелъ изъ моря невѣдомый человѣкъ и спрашиваетъ: «Чего царь-государь, пригорюнился?»—«Какъ не горевать мнѣ, добрый человѣкъ: не могу я въ ларчикъ спрятать золотой городъ.»—«Этому горю я могу помочь. Соберу я въ твой ларчикъ золотой городъ, только за это пообѣщай мнѣ отдать то, чего дома не вѣдаешь.» Думаетъ царь: что ему дома невѣдомо; кажется, все знаетъ. Подумалъ и согласился. «Собери,—говоритъ,—мнѣ золотой городъ въ ларчикъ, отдамъ тебѣ то, чего дома не вѣдаю. Въ томъ мое царское слово!» Только вымолвилъ царь, глядя, — города нѣтъ, весь въ ларчикъ убрался, а человѣкъ тотъ скрылся подъ водой. Взялъ царь ларчикъ, сѣлъ на корабль и поѣхалъ домой.

Пріѣзжаетъ царь домой, и встрѣчаетъ его царица съ радостной вѣстью: у нея сынъ родился. Обрадовался царь милому дѣтищу, а самъ плачетъ, заливаясь горячими слезами. Понялъ

Сидитъ царь на берегу, горюетъ.

онъ, кому обѣщалъ сына: не простой человѣкъ выходилъ изъ воды, а въ человѣчьемъ образѣ самъ Царь Морской, водяное чудище. Плачетъ царь, а царицѣ невдомекъ. Спрашиваетъ она: «Царь-государь, о чемъ плачешь, съ радости что ли?»—«И съ радости и съ горя», — говоритъ царь, и рассказалъ, какъ и что съ нимъ было. Поплакали они вмѣстѣ, да дѣлать нечего: слезами дѣла не поправишь. Открылъ царь ларчикъ, раскинулъ передъ нимъ золотой городъ, и сталъ въ немъ жить царь съ царицею, да сына растить.

Растетъ Иванъ-царевичъ, словно опара подымается, — выросъ и сталъ такимъ молодцомъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Думаетъ царь: сколько ни держи его у себя, а отдавать Морскому Царю надобно. Слово данное — свято, а царское вдвое. Вотъ разъ повелъ царь Ивана-царевича къ синему морю, привелъ на берегъ и говоритъ: «Поищи-ка, Иванъ-царевичъ, моего перстня, обронилъ я его здѣсь на морскомъ бережку.» Оста-

вилъ Ивана-царевича одного, а самъ домой ушелъ. Пошелъ Иванъ-царевичъ по берегу перстень искать; идетъ, вдругъ навстрѣчу ему — старуха старая плетется, спотыкается, клюкою подпирается. «Куда, молодецъ, путь держишь?» — «А тебѣ что за дѣло, старая вѣдьма!» — Ничего не сказала старуха, прошла мимо, а Иванъ-царевичъ думаетъ: «Зачѣмъ я обидѣлъ старуху? Пойду ка, ворочу ее да спрошу гдѣ мнѣ перстень искать: старые-то люди умны, догадливы.» Воротился онъ, догналъ старуху и говоритъ: «Прости меня, бабушка, за мое грубое слово: больно ужъ мнѣ досадно. Заставилъ меня отецъ перстень искать, а гдѣ я его найду?» — «Не перстень искать заставилъ тебя твой батюшка, отдалъ онъ тебя на службу Морскому Царю, въ подводное царство.» Заплакалъ Иванъ-царевичъ, услыхавши тѣ старухины слова, а она говоритъ: «Не тужи, Иванъ-царевичъ, а слушайся меня: спрячъся за тотъ смородинный кустъ, что стоитъ ближе къ морю и сиди. Прилетятъ на море купаться одиннадцать бѣлыхъ голубицъ красныхъ дѣвицъ, а послѣ нихъ двѣнадцатая, тоже бѣлая, только съ пестрыми крылышками; сбросятъ онѣ свои крылышки и станутъ купаться, а ты подкрадись, да и утащи пестрыя крылышки. Дастъ тебѣ за нихъ дѣвица выкупъ — золотое колечко и станешь ты ея суженымъ. Смѣло иди тогда въ подводное царство къ Морскому Царю.» Поблагодарилъ Иванъ-царевичъ старуху, пошелъ къ синему морю, спрятался за смородинный кустъ, сидитъ-ждетъ.

Въ полдень прилетѣли къ тому мѣсту одиннадцать бѣлыхъ голубицъ, сбросили свои крылышки, и обернулись красными дѣвицами, одна другой краше. Кинулись онѣ въ воду и стали купаться: играютъ, плещутся, пѣсни поютъ, серебристой пѣной, морской брызжутся. Вслѣдъ за ними прилетѣла двѣнадцатая голубица, съ пестрыми крылышками. Сбросила она свои крылышки и стала купаться. И была та дѣвица всѣхъ пригожѣе, всѣхъ красивѣе. Подкрался Иванъ-царевичъ и утащилъ пестрыя крылышки. Выкупались дѣвицы, вышли изъ воды, стали разбирать свои крылышки, хватъ, — а у младшей ихъ нѣтъ какъ нѣтъ. Говоритъ младшая дѣвица: «Сестрицы, голубушки, не ищите, улетайте безъ меня домой; не досмотрѣла я, сама и буду отвѣтъ держать

предъ Морскимъ Царемъ, батюшкою.» Прицѣпили красныя дѣвицы крылышки, оборотились голубками и улетѣли домой.

Осталась младшая красавица одна, осмотрѣлась кругомъ и говоритъ: «Отзовись, выходи, добрый человѣкъ, у кого мои крылышки: коли старъ старичокъ — будь мнѣ батюшка, коли старая старушка, — будь мнѣ матушка, коли младъ человѣкъ, — будь сердечный другъ, коли красная дѣвица, — будь родная сестра.» Услыхалъ такую рѣчь Иванъ-царевичъ, вышелъ изъ за куста и подалъ крылышки красавицѣ. «Ахъ, Иванъ-царевичъ, — говоритъ она, — что долго не бывалъ къ намъ въ подводное царство. Мой батюшка, Морской Царь, на тебя сильно гнѣвается, ступай скорѣй, да вотъ тебѣ золотое колечко; береги его да помни, что я — твоя суженая, Василиса Премудрая.» Сказала дѣвица, обернулась голубкою и улетѣла прочь.

Спустился Иванъ-царевичъ въ океанъ-море, шелъ-шелъ и пришелъ въ подводное царство, прямо во дворецъ къ Морскому Царю. Увидалъ его Царь и кричитъ: «Гдѣ ты былъ, пропадалъ?

Отчего ко мнѣ долго не бывалъ, не показывался? За такую провинность твою изволь сейчасъ приниматься за работу: есть у меня пшеницы триста скирдъ, а въ каждомъ скирдѣ по триста копенъ; къ утру обмолоти все дочиста. Да смотри: ни скирдъ не ломай, ни сноповъ не разбивай, а не сдѣлаешь — мой мечъ, твоя голова съ плечъ.»

Идетъ Иванъ-царевичъ отъ Морского царя, а самъ горько плачетъ. Увидала его изъ своего терема высокаго Василиса Премудрая и спрашиваетъ: «О чемъ, Иванъ-царевичъ, плачешь?» — «Какъ мнѣ не плакать? Велѣлъ мнѣ Царь Морской къ завтрашнему утру триста скирдъ обмолотить, да чтобъ ихъ не ломать и сноповъ не разбивать. А развѣ я могу это сдѣлать?» — «Ничего, Иванъ-царевичъ, не горюй. Это еще не бѣда, — бѣда будетъ впереди; ложись спать, — утро вечера мудренѣе.» Пришла ночь, легъ Иванъ-царевичъ спать, а Василиса Премудрая вышла на крыльцо своего терема высокаго и крикнула громкимъ голосомъ: «Гей, вы слуги мои вѣрные, муравьи ползучіе, собирайтесь всѣ, что есть васъ на бѣломъ свѣтѣ, выбирайте зерно изъ скирдъ батюшкиныхъ, да складывайте его въ закромы!» Набѣжало муравьевъ со всего свѣта видимо-невидимо, выбрали зерно и сложили все въ закромы за одну ночь..

На утро призываетъ Ивана-царевича къ себѣ Морской Царь и говоритъ: «Ну, и хитеръ же ты, добрый молодецъ, видѣлъ я твою работу: чисто сдѣлано. Дамъ я тебѣ другую задачу: слѣпика мнѣ къ завтрашнему утру церковь изъ воску яраго. Сдѣлаешь, — молодецъ, а нѣтъ, — мой мечъ, твоя голова съ плечъ!»

Идетъ Иванъ-царевичъ отъ Морского Царя, голову повѣсилъ, пригорюнился; выглянула изъ окошка Василиса Премудрая и спрашиваетъ: «О чемъ, Иванъ-царевичъ, пригорюнился, повѣсилъ головушку?» — «Какъ мнѣ негоревать, Василиса Премудрая: приказалъ мнѣ твой батюшка, Морской Царь, слѣпить въ одну ночь церковь изъ воску яраго, а развѣ я сумѣю это сдѣлать?» — «Не кручинься, Иванъ-царевичъ; это еще не бѣда, — бѣда будетъ впереди. Ложись ка спать: утро вечера мудренѣе.» Ночью Василиса Премудрая вышла на крыльцо своего терема и крикнула громкимъ голосомъ: «Гей, вы, слуги мои вѣрные, пчелки работ-

ницы, прилетайте всѣ сюда, что есть васъ на бѣломъ свѣтѣ, слѣпите мнѣ церковь изъ воску яраго, чтобы къ утру была готова!» Откуда ни возьмись, слетѣлося пчель видимо-невидимо и начали работать: однѣ воскъ изъ ульевъ носить, другія лѣпать,—и къ утру церковь слѣпили на славу.

Призываетъ на утро Морской Царь Ивана-царевича къ себѣ и говоритъ: «Видѣлъ я твою работу: мастеръ ты лѣпить изъ воску, хитро сработано. Теперь дамъ я тебѣ третью задачу: есть у меня конь, на него еще никто сѣсть не осмѣливался. Объѣзди ты мнѣ этого коня, чтобы онъ подверхомъ могъ ходить. Коли не справишься,—голову тебѣ съ плечъ долой, а объѣздишь,—выдамъ я за тебя изъ моихъ дочерей любую, какую себѣ выберешь.»

Идетъ Иванъ-царевичъ отъ Морскаго Царя и думаетъ: «Ну, эта работа не трудная, съ конемъ справится можно,—не привыкать стать.» А Василиса Премудрая выглянула въ окошко и спрашиваетъ: «Что, Иванъ-царевичъ, какую тебѣ задачу задалъ мой батюшка, Морской Царь?»—«Да пустяковую: всего-то объѣздить коня неѣзжалаго.»—«Эхъ, Иванъ-царевичъ! Вотъ когда бѣда-то пришла неминучая! И въ той бѣдѣ я тебѣ помочь не могу: вѣдь конемъ-то этимъ будетъ самъ мой батюшка, Морской Царь. Подхватитъ онъ тебя, да понесетъ выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго и разнесетъ по чисту полю твои косточки.» «Какъ-же мнѣ быть теперь? Научи, Василиса Премудрая.»—«Иди скорѣй, прикажи сковать себѣ палицу желѣзную, вѣсомъ въ двадцать пудъ. Какъ сядешь на коня и понесетъ онъ тебя,—держишься крѣпче, да бей его палицею промежду ушей безъ отдыха.»

Спалъ ли, не спалъ Иванъ-царевичъ, только на утро пошелъ въ конюшню. Вывели ему коня неѣзжалаго: двадцать конюховъ подъ устцы держатъ: храпитъ конь, надыбы становится, изъ ноздрей паръ клубами валить. Сѣлъ Иванъ-царевичъ на коня, поднялся конь кверху и полетѣлъ выше лѣса стоячаго, ниже облака ходячаго. Крѣпко держится Иванъ-царевичъ на конѣ, врѣзалъ коню въ бока шпоры булатныя, а самъ бьетъ его промежду ушей двадцати-пудовой палицей безъ отдыха. Сбавилъ конь

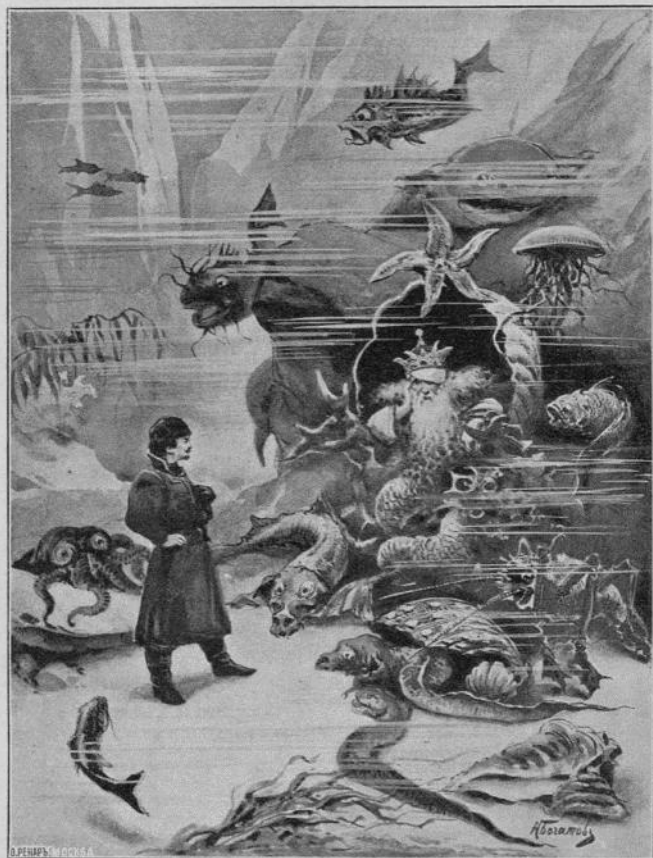
свою прыть, сталъ спускаться ниже, а Иванъ-царевичъ, знай, его палицей охаживаетъ. Опустился конь на сырую землю и стоитъ, какъ вкопанный, весь пѣною покрытый, словно мыломъ намыленный. Отвелъ Иванъ-царевичъ коня и пошелъ къ себѣ въ горницу.

Подъ вечеръ призываетъ его къ себѣ Морской Царь, сидитъ онъ сумрачный, сердитый, голова платкомъ обвязана. «Ну что, Иванъ-царевичъ, объѣздилъ коня?» — спрашиваетъ. — «Объѣздилъ, твое морское величество.» — «Коли такъ, я свое слово держу: приходи завтра выбирать себѣ невѣсту. А сегодня мнѣ что-то не по себѣ: голова болитъ.»

Раннимъ-рано на другой день улучила Василиса Премудрая минуточку, свидѣлась съ Иваномъ-царевичемъ и говоритъ ему: «Какъ будешь сегодня выбирать себѣ невѣсту, помни, что я тебѣ скажу: обернеть сперва батюшка, Морской Царь, насъ двѣнадцать сестеръ кобылицами, смотри, примѣчай: на моей уздечкѣ одна блесточка потускнѣетъ, а у всѣхъ будутъ ясныя. Выпустить потомъ насъ голубицами, да насыплетъ намъ гречихи, — всѣ мы будемъ клевать, одна я, нѣтъ-нѣтъ, да и махну крылышкомъ. Въ третій разъ покажетъ насъ дѣвицами, гляди, посматривай: у которой на щеку малая мушка сядетъ, — ту и бери.»

Такъ и вышло, какъ говорила Василиса Премудрая. Вывелъ Морской Царь двѣнадцать кобылицъ. Всѣ — масть въ масть, грива въ гриву, хвостъ въ хвостъ, у каждой уздечка наборная, серебряная. «Выбирай любую,» — говоритъ Морской Царь. Оглядѣлъ Иванъ-царевичъ уздечки: серебро на всѣхъ блеститъ, только, глядь, а у одной чуть-чуть бляшечка потускнѣла. «Вотъ моя невѣста,» — говоритъ Иванъ-царевичъ, и схватилъ ее за уздечку. — «Плохую берешь, лучше бы выбралъ.» — «Мнѣ и эта хороша.» — «Ну, выбирай опять.»

Выпустилъ Морской Царь двѣнадцать голубицъ, всѣ бѣлыя, ровныя, перо въ перо, крыло въ крыло. Насыпалъ гречихи, стали голубки клевать. Смотритъ Иванъ-царевичъ, а одна голубка, нѣтъ-нѣтъ, да и взмахнетъ крылышкомъ. Схватилъ онъ голубку за крыло и говоритъ: «Вотъ, эта самая моя невѣста.» Сталъ сердиться Морской Царь. «Больно хитеръ ты, я вижу, моло-

Сидит Морской Царь сумрачный, сердитый, голова платкомъ обвѣзана.

дещь, — говорить. — Своимъ ли только умомъ доходишь? Ну, выбирай въ послѣдній разъ ту же. Не узнаешь, — не быть тебѣ нынче живому!» Явились предъ Иваномъ-царевичемъ двѣнадцать красныхъ дѣвицъ, всѣ ровныя, — ростъ въ ростъ, лицо въ лицо, платье въ платье. Глядитъ онъ: у одной на щекѣ малая мушка сидитъ; схватилъ онъ ту дѣвицу за руку и говорить: «Вотъ, моя нареченная.» — «Ладно, быть по твоему,» — сказалъ Морской Царь, а самъ, какъ туча черная, насунился.

Дѣлать нечего, пришлось ему выдать свою дочь любимую, Василису Премудрую, за Ивана-царевича.

Живетъ Иванъ-царевичъ съ молодой женой счастливо, только чувствуется ему недоброе: Морской Царь на него злобу въ сердцѣ держитъ. Да и соскучился онъ, стосковался по отцѣ, по матери, по дому, по родинѣ. Оттого задумалъ онъ уйти изъ подводнаго царства на святую Русь, и говорить Василисѣ Премудрой: «Уйдемъ-ка, мы съ тобой, Василиса Премудрая, по добру, по здорову, со мной на святую Русь. Нежитье намъ здѣсь: хочеть насъ Морской Царь извести, со свѣта сжить, да и соскучился я больно по отцу, по матери, по дому, по родинѣ.» — «Что-жъ, уйдемъ,» — говоритъ Василиса Премудрая; — только, знай: будетъ за нами погоня великая. Разгнѣвается Морской Царь, догонитъ насъ и предастъ лютой смерти, коли мы его хитростью, да мудростью не проведемъ.»

Выждали темной ночи Иванъ-царевичъ съ Василисой Премудрой, сѣли на борзыхъ коней и поскакали, что есть духу. А передъ тѣмъ, какъ сѣсть на коней, порѣзала себѣ Василиса Премудрая мизинный пальчикъ, капнула по капелькѣ крови въ трехъ углахъ своего терема и заперла двери крѣпко-накрѣпко. Вотъ приходятъ на утро посланные отъ Морскаго Царя, стучатся въ дверь и говорятъ: «Просыпайтесь! Батюшка васъ къ себѣ зоветъ.» Отвѣчаетъ имъ изъ угла одна кровинка: «Рано больно, — не выспались.» Ушли посланные; ждали-ждали, опять въ дверь стучатъ: «Не пора-время спать, пора-время вставать.» — «Встаемъ, одѣваемся,» — отвѣчаетъ другая капелька. Приходятъ въ третій разъ посланные: «Батюшка Царь Морской гнѣваться изволитъ, что, молъ, долго спать.» — «Сейчасъ придемъ,» — гово-

рить третья капелька. Подождали посланные, опять въ дверь стучатся; стучали, стучали, да такъ и не достучались отвѣта. Выломали дверь, глядь,—а въ теремѣ пусто. Доложили обо всемъ Царю; разгнѣвался Морской Царь и послалъ погоню великую.

А Иванъ-паревичъ съ Василисой Премудрой ужъ далеко-далеко скачутъ. «Ну-ка, Иванъ-паревичъ,—говоритъ Василиса Премудрая,—слѣзь съ коня, припади ухомъ къ сырой землѣ, да послушай: нѣтъ-ли погони отъ Морскаго Царя?» Слѣзь Иванъ-паревичъ съ коня, припалъ ухомъ къ землѣ и говоритъ: «Слышу я людскую молвь и конскій топотъ.»—«Это за нами погоня,»—говоритъ Василиса Премудрая и оборотила коней—зеленымъ лугомъ, Ивана-паревича—старымъ пастухомъ, а себя—овечкою. Наѣхала погоня и спрашиваетъ: «Эй, старичокъ не видалъ ли ты на борзыхъ коняхъ молодца съ красною дѣвицей?»—«Не приходилось, люди добрые. Сколько лѣтъ пасу на этомъ мѣстѣ, ни птица мимо не пролетывала, ни звѣрь не прорыскивалъ.» Вернулась погоня къ Морскому Царю съ докладомъ: «Никого на пути-дорогѣ мы не встрѣтили, ваше морское величество; видѣли только—старикъ-пастухъ овечку на зеленомъ лугу пасетъ.» «Что-жъ вы ихъ, розини, не хватили,—вѣдь это они и есть!»—закричалъ Морской Царь и послалъ новую погоню.

Скачутъ Иванъ-паревичъ съ Василисой Премудрою на борзыхъ коняхъ. «Ну-ка, Иванъ-паревичъ,—говоритъ Василиса Премудрая,—слѣзь съ коня, припади ухомъ къ сырой землѣ, да послушай: нѣтъ ли погони отъ батюшки Морскаго Царя?» Слѣзь Иванъ-паревичъ съ коня, припалъ ухомъ къ землѣ и говоритъ: «Слышу я людскую молвь и конскій топотъ пуще прежняго.»—«Это за нами новая погоня гонитъ,» — сказала Василиса Премудрая, и оборотила коней—деревьями, Ивана-паревича—старичкомъ-священникомъ, а себя—ветхой церковью. Наѣхала погоня, спрашиваетъ: «Не видалъ ли, батюшка, добраго молодца съ красной дѣвицей на борзыхъ коняхъ или пастуха съ овечкою?»—«Не приходилось, люди добрые; сколько лѣтъ служу, самъ эту церковь строилъ, а съ той поры ни птица мимо не пролетывала, ни звѣрь не прорыскивалъ.» Воротилась погоня и докладываетъ

Морскому Царю: «Никого на пути-дорогѣ не встрѣтили, ваше морское величество; стоитъ только одна церковь ветхая, да въ ней служить священникъ, старичокъ старенькій.» — «Что жъ вы церковь не ломали, ротозѣи, старика не хватали, вѣдь это они самые и были!» Разгнѣвался Морской Царь и самъ поскакалъ въ погону.

А Иванъ-царевичъ съ Василисой Премудрою ужъ далеко-далеко уѣхали. И говоритъ Василиса Премудрая: «Слѣзь ка, Иванъ-царевичъ съ коня, припади ухомъ къ сырой землѣ да послушай: нѣтъ ли за нами погони отъ Морского Царя?» Слѣзь Иванъ-царевичъ съ коня, припалъ ухомъ къ землѣ и говоритъ: «Слышу я конское ржаніе и топотъ — точно громъ гремитъ.» — «То за нами гонится самъ батюшка, Морской Царь!» — говоритъ Василиса Премудрая, и оборотила коней — глубокимъ озеромъ, Ивана-царевича — селезнемъ, а себя — сѣрой утицей. Прискакалъ Морской Царь, увидалъ озеро, а на немъ утицу съ селезнемъ, ударился о сырую землю и оборотился коршуномъ. Сталъ коршунъ налетать на селезня съ уткою, хочеть ихъ убить до-смерти. Вотъ-вотъ, ударить селезня, а тотъ какъ нырнетъ въ воду, — ищи его. Хочеть коршунъ утку убить, а утка, какъ нырнетъ, — только ее и видѣли. Бился-бился коршунъ, не могъ ничего подѣлать съ селезнемъ и уткою. Выбился изъ силъ Морской Царь и убрался домой въ подводное царство. А Иванъ-царевичъ съ Василисой Премудрою выждали время и поскакали дальше.

олго ли коротко ли ѣхали они, и пріѣхали, наконецъ, на святую русь. Подѣзжаетъ Иванъ-царевичъ къ родному городу и говоритъ: «Положди меня здѣсь, Василиса Премудрая; пойду ка я оповѣщу о тебѣ отца съ матерью.»

— «Ступай, — говоритъ Василиса Премудрая — только, смотри, помни одно: какъ увидишь ты своихъ братьевъ и сестеръ, которыхъ ты еще не видывалъ, не цѣлуй ихъ, а то навсегда меня забудешь.» Пообѣщалъ Иванъ-царевичъ, да и забывъ свое обѣщаніе: какъ увидалъ своихъ новыхъ братцевъ и сестрицъ,

обрадовался, сталъ ихъ цѣловать, и забыть свою жену Василису Премудрую.

Три дня ждала-поджидала Василиса Премудрая своего мужа у городскихъ воротъ: не вернулся Иванъ-царевичъ. Нарядилась она нищенкой, стала ходить по городу, искать пристанища, и нанялась къ бѣдной старушкѣ въ работницы. Живетъ она у ней да ждетъ, когда вспомнить про свою милую жену Иванъ-царевичъ.

А Ивана-царевича отецъ собрался женить на богатой королевнѣ, сосѣдняго короля дочери. Вотъ и кликнулъ царь кличъ по всему своему царству, чтобы собирались всѣ его подданные поздравлять жениха съ невѣстою, да чтобы несли, по старинному обычаю, пироги на царскій столъ. Стала и старуха, Василиса Премудрой хозяйка, пирогъ стряпать. «Кому это ты пирогъ печешь?»—спрашиваетъ ее Василиса Премудрая. «Развѣ не знаешь: нашъ царь женить своего сына Ивана-царевича на королевской дочкѣ; вотъ я и понесу пирогъ обрученнымъ на столъ.»—«Испеку и я отъ себя пирожокъ,» — говоритъ Василиса Премудрая. «Куда тебѣ, не пустятъ тебя во дворецъ: больно на тебѣ одежда плоха.»—«Ничего, бабушка, ты сама мой пирожокъ снесешь.» Испекла Василиса Премудрая пирогъ, а вмѣсто начинки посадила въ серединку голубя съ голубкою.

Идетъ во дворецъ пиръ горой. Сидятъ женихъ съ невѣстой за столомъ, принимаютъ дары отъ богатыхъ гостей, а отъ бѣдныхъ поздравленія. И старушка два пирога принесла. Стали рѣзать пирогъ Василисы Премудрой, а изъ него вылетѣли голубь съ голубкою; полетали, полетали по комнатѣ и сѣли на столъ передъ женихомъ съ невѣстою. «Вспомни, вспомни, голубокъ,»—говоритъ голубка, — какъ я была овечкою, а ты пастухомъ.» — «Забылъ, забылъ, голубушка,»—говоритъ голубокъ. «Вспомни, вспомни, голубокъ, какъ я была церковью, а ты старичкомъ-священникомъ?» — «Забылъ, забылъ, голубушка.» — «Вспомни, вспомни, голубокъ, какъ была я сѣрой утицей, а ты селезнемъ.» — «Забылъ, забылъ голубушка,» — говоритъ голубокъ.» — «Ну ка вспомни, какъ говорила тебѣ Василиса Премудрая, что ты ее позабудешь, коли поцѣлуешь своихъ братцевъ и сестрицъ!»

«Вспомнилъ, вспомнилъ!»—закричалъ Иванъ-царевичъ, выско-чилъ изъ за стола и сталъ допрашивать, кто принесъ пирогъ съ голубями. А Василиса Премудрая тутъ стоитъ, между слугъ и челяди, нищенкой; узналъ ее Иванъ-царевичъ, взялъ за бѣлыя руки, сталъ цѣловать, обнимать. «Батюшка,—говорить,—вотъ моя жена законная, Богомъ данная, не нужно мнѣ другой жены.» Тутъ пошли спросы-разспросы; рассказалъ Иванъ-царевичъ обо всемъ, какъ дѣло было, и задалъ царь на радостяхъ пиръ на весь міръ.

На томъ пиру и я былъ, медъ-вино пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не попало. Дали мнѣ синь-колпакъ,—стали въ шею толкать; дали мнѣ красный шлыкъ,—я въ подворотню шмыгъ! Иду путемъ-дорогою, посвистываю. Вдругъ, летитъ сорока-бѣлобока. Кричитъ: «Синь-колпакъ, синь-колпакъ!» Я думалъ: «Скинъ колпакъ!» — взялъ да и скинулъ. Летитъ ворона, кричитъ: «Красный шлыкъ, красный шлыкъ!» А я думалъ: «Краденый шлыкъ» — взялъ да и шлыкъ на дорогѣ бросилъ. Такъ-то и пришелъ, со свадьбы, не солоно хлебавши!

